

18+

Владимир Николаевич
АВЕРКИЕВ

Предназначение

Владимир Николаевич Аверкиев

Предназначение. Повесть

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=50173172

ISBN 9785005077998

Аннотация

Признаки предназначения замысловато разбросаны в пространстве и времени на жизненном пути индивида, группы и так далее – тем более. Иногда недостаточно всего отведенного в этом мире времени и не удается распознать и собрать воедино намеки и знаки предназначения, не говоря уже об «исполнении назначенного». Да и проявляются они иногда самым фантастическим образом.

Содержание

Часть первая	5
Поиск	5
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Предназначение
Повесть
Владимир
Николаевич Аверкиев

© Владимир Николаевич Аверкиев, 2020

ISBN 978-5-0050-7799-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Аверкиев Владимир Николаевич
T. +7-964-533-4825

E-mail: vladimiraverkiev@mail.ru

Часть первая

Поиск

Рейс «Москва-Нью-Йорк» авиакомпании «Дельта», экипаж смешанный, с разных континентов, но англоговорящий. Самолет не заполнен. Меня как «двуязычного пассажира» попросили пересесть на свободный ряд у запасного выхода. После взлета начались обычные процедуры: объявления, демонстрации ремней безопасности и прочего. Я приготовился дремать в ожидании обеда, после которого намеревался продолжить это необременительное и время поглощающее занятие. С некоторым превосходством и сочувствием поглядывал на пассажиров с явными признаками «боязни полета», запивающими виски и вином какие-то таблетки.

Мэтр-стюард с извинением подсадил «на мой ряд» мужчину лет пятидесяти, старомодно-опрятно одетого, пообещав объяснить позже причину. Я задремал, забыв о соседе. Примерно через час меня разбудила стюардесса. Извинившись, она, указав глазами на соседа, попросила оказать помощь. Суть просьбы заключалась в следующем. Пассажир отказывался пить и есть, не общался с семьей (жена и двое детей), расположившейся в середине салона. Поведение было странным, вызвавшим озабоченность даже, по сло-

вам стюардессы, у «капитана корабля». Ко мне обращались не отказать в любезности побеседовать с ним, так как он не говорил по-английски и не реагировал на краткие фразы на ломаном русском с предложениями воды, вина и прочего. Я согласился.

Сосед напряженно смотрел в окно, чередуя это занятие с чтением книги в ветхом переплете. Я решил не церемониться и обратился к нему с вопросом: «Как там?». Он отвлекся на мгновение и ответил: «Красиво!».

«Что, первый раз летишь через океан?» – продолжил я свое наступление. Он оторвался от окна и, глядя на меня какими-то светло голубыми, детскими глазами, тихо ответил: «Я вообще первый раз лечу на самолете». Далее, как будто он ожидал других вопросов, заговорил.

«Да, впервые! Мне кажется, что душа и тело подвергаются испытанию. Мне же предлагают пить и есть, в тот момент, когда требуется смирение и молитва. Я даже с семьей не разговариваю, и они меня понимают». Я смотрел на собеседника с удивлением.

Он же продолжал: «Я следую предначертанию и меняю свою земную жизнь. Пять лет ожидания оформления документов... и вот я в пути...» Он замолчал. Приняв как знак окончания беседы, я закрыл глаза и начал было дремать. Прошло не менее часа. Проснулся я оттого, что кто-то трогал меня за рукав: «Простите меня, я не назвался, Андрей». Глядя мне в глаза, он продолжал: «Хочу с вами поговорить,

вернее рассказать. Я учился в Киевской семинарии. На четвертом году был отчислен без перспективы рукоположения из-за конфликта с одним из наставников. Если без деталей, то после этого я уехал к родственникам в деревню в километрах ста от Киева и прожил там год. Последующие семь лет я пас овец в деревне близ Киева. Меня уважали, потерь поголовья, болезней – не было. Я женился, родились сын и дочь. Однажды, ночью на пастбище во время грозы, у моей палатки появилось свечение. В центре были видны контуры, напоминающие человеческую фигуру. Затем я услышал голос и какую-то мелодию. Очнулся я, когда гроза закончилась. Небо было безоблачным, ярко светили звезды, позднее появилась луна. Мои овцы дремали, сбившись в кучу. Они всегда так поступали во время грозы. Две собаки-помощницы охотно следовали за мной. Мы осмотрели стадо. Все было в порядке. В голове как эхо продолжали звучать какие-то слова и мелодии. Это событие беспокоило меня, оставив ощущение незавершенности. Жизнь продолжалась. Через месяц выяснилось, что мои родственники, „двоюродные деды“, уехавшие более шестидесяти лет назад в Канаду прислали мне приглашение приехать к ним. Посовещавшись с семьей, родственниками, ответил им согласием. Начал оформление. Вы, наверно, не представляете, что это такое. С тех пор прошло пять лет и вот я направляюсь к ним.» Я выслушал рассказ, но не удержался и спросил: «А что ты там будешь делать?» Ответ последовал мгновенно: «Пасти

овец». Собеседник отвернулся. Позднее я, с известным приближением, объяснил стюардессе о причине необычного поведения пассажира, и она успокоилась. До конца рейса мы не разговаривали. В Нью-Йорке у него пересадка. На выходе мы махнули друг другу рукой-он был занят семьей.

Эту историю я включил в свою картотеку необычных событий в моей жизни, тем более, что она имела продолжение.

Спустя два часа, уже в гостинице, я обнаружил в своей сумке ту самую книжку, которую читал сосед по полету. Это был второй том «Войны и мира», из серии «Сочинения графа Л.Н.Толстаго», изданного «Типо-литографией И.Н.Кушнерев и Ко. в 1889 году, Москва.». Была приложена записка: «Благодарю за беседу. Это вам подарок от меня. Извините за способ передачи. Книга должна остаться дома. Андрей Верба-несостоявшийся священник.»

Рассуждения...

Предназначение и возможность. Не часто они рядом, но мы их путаем часто. Возможности сами по себе не так просты: от рождения, в силу обстоятельств, созданные самим собой и «средой обитания», ну и видимо по предназначению. Есть и социально-политические аспекты возможностей: общество больших возможностей, времена новых возможностей и т. д. Правда хочется поставить кавычки... Вспоминается анекдот про оптимиста и пессимиста: «для одного новые проблемы – новые возможности, для другого новые возможности-новые проблемы». Будем двигаться по пу-

ти оптимизма.

В предназначении же путаницы больше. Здесь есть что-то от природы самого человека, а уж как он данностью распорядился, или «помешали»? Хотелось бы создать модель и посмотреть на ее устойчивость и способность к прогнозам, но это уже: «хочешь рассмешить создателя, расскажи о своих планах...»

Возьмем что-то из «опыта» и попробуем разглядеть «нечто существенное». Признаки предназначения капризно разбросаны на жизненном пути индивида. Иногда недостаточно всего, отведенного в этом мире, времени и не удастся распознать и собрать воедино намеки и знаки предназначения, не говоря уже об «исполнении назначенного». У Леонардо Да Винчи, Рублева, Ломоносова, Эйнштейна, Третьякова, Ландау получилось, у Петра Первого-тоже, а у другого, хоть и «помеченного судьбой» – нет. А в наше время многие видят предназначение в представившихся возможностях. А у новейшего поколения: у одного – все, родители с хорошими генами, условия жизни – «без проблем», способности и образование, да и не «злоупотребляет», а он на дорожке «железке» гоняет по ночным улицам, снимает видео и выкладывает эту чушь в «сети помойные», кишачие и так ценностями такого рода. Исчезает уникальность личности и растворяется в «виртуальной коммуникационной среде»... А, навязываемые, удобряемые собственными достижениями «новые эстетические, этические, культурные и прочие цен-

ности», бесконечные конкурсы, рейтинги, шоу, клипы, ремэйки... Хочется вспомнить, как встарь формировался «отпрыск», которого гувернер-француз: «...слегка за шалости бранил и в Летний сад гулять водил...».

Однажды приснился мне сон. Очутившись в каком-то пространстве у сложного технического устройства, напоминающего конвейер, я вынужден монтировать некий элемент, т.е. прилаживать что-то к определенному месту этого движущегося монстра. Назначение всего не было доступно моему пониманию, что ужасно терзало меня. Я готов был пожертвовать всем лишь бы отказаться от этой данности... Проснулся... в нашем времени. Прогуливаясь по улице возле дома, вижу: мальчишка- видимо второкласник, выйдя из дверей школы, демонстративно вытаскивает из ранца айфон и без видимой необходимости разглядывает и его, и окружающих: «каково впечатление!»». В метро, сорокалетние мужики тыкают в экран, гоняя каких-то уродцев по светящемуся пятну. Более того, как-то, на тематической вечеринке в «элитном» клубе запомнилась картинка: играет рояль, кто-то пробует голос, звенят бокалы, а на веранде собралось до десятка молодых людей, уткнувшихся в телефоны... Все привязаны к «информационному конвейеру», прилаживая свое одиночество, пустоту... к монстру, по привычке, психоэмоционально и функционально. Достижения, как и огрехи цивилизации, не возникают на пустом месте.

И вот, я, причины станут понятны позднее, посетив кра-

еведческий музей в Ульяновске (Симбирск), начал поиски «зарисовок из жизни моих предков». Историческая фактография как-то гармонично совмещалась с отрывочными воспоминаниями родственников.

Авдеев

Село Чердаклы основано в 1688 служивыми татарами, то есть на сорок лет позже Симбирска. Первые обитатели – татары, мордва. В течение многих лет жители села в качестве казаков и стрельцов несли сторожевую службу на первой Закамской засечной черте. Статус посёлка городского типа Чердаклы получили только в 1957 году.

За десять лет до рождения моего деда, в 1889 году, на берегу реки Свияги заработал Крахмально-паточный завод: «Никита Познизовкин и Сыновья». Стала развиваться, как нынче говорят, инфраструктура. К 1913 году в слободе уже было 240 дворов и более 1500 жителей. Года два спустя купец Н.Я.Шатов, решив укрепиться в этом благодатном уголке, построил новое кирпичное двухэтажное здание приюта, с храмом. Время же вносило свои коррективы. После Октябрьской революции слобода стала именоваться поселком Конная. Вихри гражданской войны как-то не сильно затронули течение жизни этих мест. К 1937 году в поселок пришло электричество. В здании бывшего приюта зарождалось машиностроение в форме машинно-тракторной станции (МТС), в 1944 году, в силу понятных обстоятельств войны был создан мотороремонтный завод.

Эти исторические зарисовки, как мне кажется, нужны для понимания среды, в которой существовали «предназначение и возможность» еще одного героя повествования.

Следующий виток обстоятельств был связан с тем, что в 1925г. Советский Союз заказал 12000 тракторов «фордзон». Трактора были отправлены в СССР с определенными условиями оплаты. Генри Форд согласился принимать до полусотни русских стажеров для изучения производства и ремонта тракторов, что создавало прецедент для будущих стажировок советских автомобилестроителей.

Авдеев Георгий Николаевич родился в 1898 году. В 16-летнем возрасте он уже трудился на Крахмально-паточном заводе «Никиты Понизовкина и Сыновья» механиком. Здесь же работал и его отец-мой прадед, хотя и успел недолго повоевать в 1914 году с немцами (попал под газовую атаку). Георгий же был грамотен, смышлен и быстро обучаем. Семья проживала в селе Чердаклы, построив дом на берегу Волги. Годы после 1917-го все члены его большой семьи периодически отрицали родственные связи с однофамильными дворянскими родами Симбирской Губернии. Да, были ли они?

В 1926 году в группе молодых парней, смыслящих в технике тех лет, Георгий Авдеев направлен в Детройт на стажировку. Это была суровая школа: подсобник на конвейере, сборщик на самых трудных участках и др. Социальная среда вокруг и внутри завода- простая. В первую же неде-

лю в баре подрались с местными. Достоинство не уронили, многие оценили бойцовские возможности, но больше инцидентов не было. Местным рабочим импонировала неприсотливость русских, трудолюбие и быстрое усвоение премудростей сборки. Прошел год. Состав группы стажеров менялся. Одних – отправляли домой, присылали других. Георгия сделали старшим как владеющего лучше других английским и всеми операциями на конвейере. По некоторым вопросам иногда с ним советовались даже американцы. К тому же он был силен физически при внушительном росте, что охлаждало темперамент отдельных вспыльчивых коллег по конвейеру.

Возвращение Авдеева в Россию совпало с бурной коллективизацией и параллельной индустриализацией. К этому времени поставщиком «стальных коней» для СССР стала чикагская компания International Harvester. Машиностроительный завод «Красный путиловец» в Ленинграде попытался выпускать фордовский трактор «пиратским образом», под своей маркой. Незнание секретов поточного производства и отсутствие необходимой инфраструктуры придало этим попыткам кустарный характер, и продукция оставалась некачественной. Георгий, поработав недолго трактористом, был командирован в Ленинград на «Красный путиловец». Он был уже семейным человеком – подрастали сыновья. Семья осталась в Чердаклах – не бросать же дом и небольшое хозяйство. Общая картина – неприглядная. Местами голод.

Авдеев включился в производство тракторов. Проблем было много. Карбюраторы поставлялись из Америки с перебоями. «Верха» требовали наращивания темпов выпуска машин. Георгий появлялся дома раз в полгода. Затем вновь изменения в статусе-командировка в Сталинград. Задачи те же-производство тракторов. К семье вернулся лишь в 1937 году и опять за трактор. Через пять месяцев Авдеева арестовали и разговаривали с ним кратко: «В Америке был, значит шпион!». Просидел под следствием не долго, полгода, хотя семье сказали почему-то, что отправлен в командировку по военной линии. И вот вновь «подул ветер перемен». Практически из камеры получил назначение заместителем директора МТС в «Засвияжье» и занялся ремонтом «фордзонов». Грянула война. МТС перепрофилировали в мотороремонтный завод. В 1942 году начали строительство автомобильного завода. Авдеев трудился мастером, инженером, хотя и не имел официального инженерного образования. Его умение разбираться в чертежах, находить быстрые решения конкретных технических и технологических задач выделяло его из инженерно-технического состава завода. В течение военных лет случилось много командировок на другие заводы, а работать приходилось и круглосуточно, были и награды вперемишку с угрозами. Неоднократно выезжал с новыми модернизированными образцами танков на фронт. Участвовал и в боях. Имелись и боевые награды. Война закончилась. Объем работ увеличился. Не хватало рабочих рук и особенно специали-

стов. Старший сын Георгия Авдеева, Николай, после фронта и тяжелого ранения «застрял» в Москве. Женился и родился я. Гораздо позднее я закончил Свердловский политехнический институт, работал, защитил кандидатскую диссертацию по химическим процессам в металлургии, затем и вторую по физике монокристаллов (по настоянию коллег по профессии).

Я, старший научный сотрудник института материаловедения, специалист по изучению и выращиванию тугоплавких кристаллов, автор оригинальной методики получения кристаллов. Известен по публикациям и конференциям в Европе, Америке и Японии. Моя командировка в Штаты забылась быстро, а вот встреча с загадочным пастухом не давала мне покоя-«что это могло бы означать?». Вечерами засиживался, делая вид, что занимаюсь научными изысканиями. Мои домашние в таких случаях не тревожили меня. Я же разглядывал старые уцелевшие фотографии, картинки с видами Киева 19 века, перебирал ордена деда и отца, вспоминал рассказы родственников, делал записи, пытаюсь построить фактографический и хронологический ряд. Среди «инструментального барахла», свойственного человеку с благоговейным отношением к технике, обнаружил штангенциркуль в деревянном футляре. Вспомнил, что он, по рассказам, принадлежал деду и даже прадеду. Инструмент был английского производства 18-го века. Я знал о его существовании, но сейчас смотрел на артефакт по-иному. Узрел на нерабочей по-

верхности инструмента надпись: «Путнику и награда, и помощь». С этого момента я потерял покой. Во мне проснулся порыв исследования как в молодые годы: «Что делал мой прадед в Киеве?». Удалось, правда, установить, что из Симбирска формировалась группа квалифицированных рабочих для ремонта Дарницкого моста в Киеве, что являлось возможным косвенным подтверждением пребывания там прадеда в 1887 году.

Послание из прошлого

Прошло полгода после моего, упомянутого выше, путешествия в Америку. Повседневность затуманила воспоминания от поездки, да и рутина командировки не способствовала долгосрочным впечатлениям. Книга, подаренная в самолете, неожиданно оказалась на моем столе, словно дожидалась моего внимания. Я стал разглядывать ее: время не пощадило обложку, которая уже когда-то подвергалась ремонту. Внутренняя сторона обложки отклеилась. Я обнаружил два пожелтевших листка пергамента. Один листок представлял собой своеобразное обязательство, подписанное тремя единомышленниками, объединенных какой-то общей идеей. Другой — сложную таблицу, напоминающую что-то наподобие календаря. находка требовала тщательного изучения и расшифровки. Стиль конца 19-го века требовал перевода, да и «календарь» ожидал серьезного осмысления.

Изложение первого листка

В непрофессиональном переложении текст выглядел при-

мерно таким образом.

«Мы, нижепоименованные, во имя бога и перед ликом Пресвятой Богородицы „Нерушимая Стена“ в Софийском Соборе пришли к пониманию и установлению побратимства на все времена. Испрашиваем милости Божие и осмеливаемся обратиться к потомкам нашим помнить и чтить побратимство наше. Откровение, нам открытое, являет нам предназначение в этой жизни и последующих воплощениях в потомках наших: отец – сыну старшему иль дочери единственной. Меж нас решено было разделить тайну заветного на три части: одному- грамоту и календарь, другому-слово верное, третьему-место потаенное. Правило помнить и следовать: духовного звания потомку, казаку и мастеровому-каждому свое. Вместе быть надлежит в нужное время. И откроется благодать ниспосланная. Совершено августа дня 20-го, 1887 года».

Авдеев Николай, сын Алексея из ремесленников, Воронин Александр, сын Ивана из казаков, Верба Петр, сын Андрея из духовного сословия. *Подписи:*

Поиски

Потомка, предполагаемого конечно, «казака Воронина» я нашел сравнительно быстро. Александр Федорович Воронин был известен в научных кругах и заметно выделялся в своей профессиональной среде. Осталось связаться с ним, получить «кредит доверия» и изложить неявную пока суть моих поисков. Да и убедиться в правильности поиска. Тре-

бовалась также дополнительная информация его биографии (вернее его предков) для разгадки «хартии побратимства».

Здесь все оказалось не так просто. Связавшись по телефону с Ригой, представился супруге Воронина, Галине Алексеевне. Александр же Федорович находился уже два месяца в Канаде, позванивая редко по телефону: лекции, научная работа занимали и свободное время. Быстро оформив командировку, я захватил артефакты и через два дня вылетел в Ригу, город, в котором я бывал неоднократно в студенческие годы. Встретился с «новыми веяниями» и в повседневности. Молодежь и средневозрастное поколение охотно откликались на мой «американский английский» и даже старались очень... Старшее поколение реагировало на «русский»: «ну хоть один нашелся..., а то...», даже приглашали в гости. А один ветеран войны, по секрету признался, что говорит на трех языках, а «этот» не осваиваю принципиально, за что пытались побить неоднократно. Правда рост – почти два метра и сто десять кг., да плюс «метание молота в молодые годы-мастер спорта» – «отбивали охоту на нечто подобное». «Так и живу, по праздникам одеваю ордена (есть и французские) и хожу, хотя поговорить, практически не с кем.

Семейство Ворониных встретило приветливо. Взрослые дети: дочь и сын проявили большой интерес к тайне предков и даже вызвались помочь. Дочь Илона собиралась в гости к отцу в Канаду и была готова разыскать «отставного священника Вербу» в окрестностях Торонто. Галина Алексе-

евна сдерживала порыв дочери, откладывая решение до обсуждения с отцом. Расстались почти друзьями, условившись о контактах и координации действий касаясь загадок старины. По косвенным признакам у меня создалось впечатление, что на рижской земле мы встречались первый и последний раз, что подтвердилось буквально через полгода. Я был доволен тем, что «процесс пошел» и хартия, созданная (теперь я уверен) нашими предками, начала действовать, как это и предписано. Видимо приближается тот самый «определенный день и час», но общая картина отсутствует.

Воронины

Воронины из станицы Луганская-старинный казацкий род. Семья с добрыми традициями в служении и труде. Жили в основном богато, пользовались уважением.

Казаки традиционно сопровождали обозы в Москву и Киев. С обозами доставлялись продукты, вина, соль для постоялых дворов и кабаков. В станице был установлен порядок подготовки к сопровождению обозов: молодых обучали премудростям несения караульной службы, охране и обороне в пути следования. Накануне, в доме казака, наряженного в обоз, старшее поколение напутствовало молодого. Что-то подобное происходило и в доме Ворониных. Вся семья и родственники, мужская часть в парадной казацкой форме при орденах и шашках сидели за столом и неторопливо вели беседу, вспоминая времена былые...

В августе 1887 году Александр Воронин в составе казац-

кой полусотни прибыл с очередным обозом в Киев. Казаки ожидали обратного каравана и проводили время «кому-как положил господь на душу»: по кабакам, лабазам, но не забывали и богомолье. Храмы Киева всегда привлекали проезжих и паломников. Случилось так, что 19 августа произошло солнечное затмение, явление которое будоражило воображение людей. Многие видели в событии знак судьбы и связывали с «грядущими делами» в земной жизни. В этот же день и произошла памятная встреча Воронина, Авдеева и Вербы. Обстоятельства этой встречи исчезли в потоке времени, хотя нам известен ее результат: грамота о побратимстве. Рассказы о предках казацкого рода были богаты противоречиями. У прадеда были сложности и семейного толка: тайная женитьба на девице из влиятельного дворянского рода. Прощение и протекция от родителей жены. Перевод из казацкого войска в ротмистры армии. Болезнь жены и кончина. Возвращение в станицу. Единственными бесспорными артефактами, переходившими по наследству: шашка прадеда и плетка. Клинок, хоть и древний, но обычный. Вот плетка представляла собой работу неизвестного мастера: рукоятка была обрамлена серебряным орнаментом. Была и надпись: «Путнику и награда, и помощь». Что это значило – оставалось загадкой.

Теперь, уже в «наши дни», правнук Воронина после окончания школы в станице уехал в Ригу и поступил в политехнический институт. Окончил его и стал отличным специали-

стом в области механики упругих материалов. Позднее занялся пьезокерамикой и достиг существенных результатов. Защитил кандидатскую и докторскую диссертации. Александр Федорович Воронин был активным участником многих проектов и не только национальных. Фирмы и университеты Канады, Франции, Италии и Германии приглашали Воронина «поработать и остаться», но он ограничивался пока годовыми контрактами. Настало время «больших перемен»: распался Союз.

Поиски и результаты

Время шло. У меня на руках имелись краткие биографические заметки трех «подписантов хартии». По утверждениям Вербы и Воронина, они искренне намеревались действовать по поиску разгадки побратимства. Наше время не слишком способствует такого рода взаимодействиям малознакомых людей, да и цель имеет весьма расплывчатые контуры. Технический прогресс, и его «дитя» интернет в целом оказали существенное содействие: Вербу в Торонто нашли довольно быстро с помощью Илоны и ее отца. К этому времени семья Ворониных переехала в Канаду и переживала трудности первых лет эмиграции.

Алексей Верба довольно быстро освоился в окрестностях Торонто, совмещая заботу об овцах с помощью местной православной церкви. Был замечен священником фермерского прихода и ценился за знания службы, умение общаться с прихожанами.

И так, заполучив довольно отрывистые описания жизней предков Вербы и Воронина, я стал искать ключевые моменты для расшифровки мотива побратимства. Непонятные надписи на артефактах «о путнике» не давали ни малейшего намека на существование «кода» и были вероятно отвлекающим моментом в этой истории.

Второй листок пергамента, обнаруженный в обложке книги, содержал квадрат, по наружной и внутренней сторонам которого располагались цифры и буквы. В центре таблицы был круг, также с цифрами, буквами и даже с маленькими геометрическими фигурками: треугольниками, квадратами, пятиугольниками. Этому произведению криптографии я присвоил условное название «календарь». Я сделал для себя простейший вывод: требуется встреча участников и совместное обсуждение для поиска «намёков на истину». Задача не простая: «Где, как и когда?».

Экскурс в криптографию

Однако существовал еще один вариант, чтобы продвинуться на этом пути. Мои сокурсник по «Свердловскому политеху» был тем человеком, к которому я мог обратиться за помощью в разгадке «календаря». Он был преподавателем компьютерного дизайна на полставки в «Бауманке». В остальное время выполнял заказы по прикладному компьютерному проектированию в различных областях, чем зарабатывал в сто раз больше профессорской ставки. Он был старше меня на шесть лет: служил в армии, закончил тех-

никум, работал на заводе, в институте-староста курса... Георгий Белов (это он) был кладезем знаний (профессия — не в счет), знаний не обширных, не глубоких, но поразительно разнообразных и самым неожиданным образом применяемых. Расшифровка посланий из прошлого его должна заинтересовать, а это уже полпути к успеху.

Извлечения из истории

Ворониным пришлось неоднократно встречаться с Вербой, чтобы заполучить «зарисовки жизни из духовной династии». Волшебным ключиком была находка в обложке книжки и произвела на Андрея сильное впечатление, что существенно продвинула его по стезе совместных действий наследников хартии.

Петр Верба был потомственным священником. Начинали службу его предки при Иване Грозном. Служили в Москве, Александровской слободе и Киеве. Они не достигли высоких рангов в церковной иерархии, но были ценимы в государевом окружении и среди служителей церкви за эрудицию и преданность.

Как это было...

В «заметках», которые прислал Андрей Верба было изложено некое повествование. Он ссылается на отрывки воспоминаний отца, рассказы монахов, служащих и настоятелей храмов Киева, Александровской слободы, Боголюбова.

Первым историческим местом в этих кратких мемуарах являлось Владимиро-Суздальское княжество. 1158—

1165гг.— то годы расцвета при Андрее Боголюбском, тогда и возник новый город Боголюбов. Был построен белокаменный княжеский дворец с храмом Рождества Богородицы. Недалеко от княжеского дворца, в устье Нерли при впадении в Клязьму, за один сезон была построена церковь Покрова. Торговые люди с кораблей, которые причаливали к резиденции князя, лицезрели храм и благоговейно любовались панорамой Боголюбова и Владимира. Летописных свидетельств об этом времени мало. Загадкой оставалась связь прадеда Вербы с храмом на Нерли.

Другим объектом внимания в заметках Вербы по «делу о побратимстве» являлась Александровская слобода. Значение Александровской слободы в жизни и правлении российских монархов как резиденции или, в каком-то смысле, убежища, определил великий князь московский Василий III—отец Ивана IV. Славно потрудились русские и итальянские мастера, создавшие Московский Кремль. Они воздвигли в Слободе дворец и Покровский собор, позднее переименованный в Троицкий. В этом соборе 28 октября 1571 года состоялось венчание Ивана Грозного со своей третьей женой, Марфой Собакиной, которая скончалась через пару недель. Царь сильно гневался, подозревая отравление, клялся церкви, что из-за болезни и смерти не успел стать ее мужем. Расследование было жестоким, в ходе которого было казнено до двух десятков человек. Деяние на потребу прихоти: права на четвертый брак, запрещенного церковью, стои-

ло жизни невиновным. Священник Андрей Верба чуть было не попал в число подозреваемых... Зависть и навет не были чужды и духовной среде, но как говорится «бог миловал». С очередным переездом двора Верба вновь оказался в Киеве. При всех перемещениях государей по Руси свиту составляли и люди духовного звания. Верба был один из таковых. Переезды из Киева в Москву, из Москвы в Слободу и обратно не в диковину служивым людям: будь то церковным, или придворным. Ослушаться – и мысли не возникало. Караваны готовились тщательно и осуществлялись в несколько этапов. Ключники составляли описи. Сундуки с ценностями, мебель, одежда и прочее... Церковные принадлежности упаковывались отдельно. Была и путаница, иногда кое-что терялось... Снаряжались и авангард, и арьергард..., да и численность войска была значительной.

Так семья Вербы и их наследники не обзавелись ни домом постоянным, ни скарбом. В двадцатый век они вошли скромными, хотя и уважаемыми служителями церкви в Киеве. Уже в наше непростое время ход преемственности нарушился. «Современный» Верба был изгнан из семинарии «за своеволие и не должное прилежание» и удалился он в пастухи овец, в конце концов, в этническом поселении в пригороде Киева.

Август, 1887 год. Киев

Погода стояла теплая. Небольшая дымка, нависшая над городом, скрывала по-летнему яркое солнце. В трактире, на углу Ильинской и Набережно-Крещатикской улиц, на По-

доле, отмечалось прибытие обоза с Дона. Покупатели и поставщики уже «ударил по рукам» и готовились к застолю, которым, по праву, славилось заведение. Прилегающие улицы заполнены экипажами, спешащей по делам хозяйской прислугой, ротозеями и горожанами.

Статный донской казак, сотник, неспешно шел по Ильинской. Постоялый двор, где он квартировал, находился неподалеку. У монастырской книжной лавки стояли и разговаривали монах и мастеровой, ожидая открытия. Сотник приветствовал друзей и был искренне рад встрече. Следующая сцена происходила в небольшом питейном заведении, кабаке, в двух кварталах от Ильинской. Небольшой штоф с горилкой на столе и кружкой кваса перед монахом в сопровождении закусок не мешали разговору казака и мастерового. Монах, а это был Верба, по-видимому инициировал небольшой спор между Ворониным и Авдеевым, со смешинкой в глазах наблюдал за друзьями. Тема была необычной: солнечное затмение, которое ожидалось через два дня. Солнечное затмение – самое поразительное явление, которое человек может наблюдать на протяжении своей жизни. Неудивительно, что в давние времена стремились зафиксировать это редкое событие не только в памяти, но и письменно. Верба излагал свои мысли торжественно как на проповеди: «На Руси авторами летописей были главным образом монахи. Это были наиболее знающие и образованные люди своей эпохи, они много читали, собирали старые рукописные книги и записки

отдельных лиц и в тиши монастырских келий обрабатывали весь этот материал, присоединяя и личные впечатления, и собранные наблюдения, в которых их авторы приводят сообщения о наблюдавшихся «знамениях небесных».» «К примеру, «Слово о полку Игореве» повествует о трёх днях боя с половцами, закончившихся поражением русского войска. И было солнечное затмение, и «звезды были видны среди дня». Игорь Святославович накануне битвы с половецкими полками Кончака в лето 1185 года близ реки Донец на сомнения бояр сказал: «Братья и дружина! Тайны божественной никто не ведает, а знамение творит бог, как и весь мир свой. А что нам дарует бог – на благо или на горе нам, – это мы увидим».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.